

A. Ю. Вязинкин

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ» УОЛТЕРА ЛИППМАНА

Введение

Актуальность. Уолтер Липпман (1889—1974) — американский политический мыслитель, общественно-политический деятель и властитель дум в США, оказавший влияние на многих политиков, политических философов, историков, экономистов, журналистов. В отечественной науке он больше известен как журналист и политический обозреватель. Его политико-философское наследие недооценено и незаслуженно забыто. Политическая мысль У. Липпмана, а также его общественно-политическая деятельность, крайне редко становятся предметом исследования отечественных ученых-историков, политологов, специалистов по истории международных отношений. Единственная серьезная научная работа, посвященная американскому политическому мыслителю, была опубликована в 1994 г. — монография видного американца В. О. Печатнова «Уолтер Липпман и пути Америки»¹.

На русский язык переведены две большие работы Липпмана — «Public Opinion» (1922) и «The Public Philosophy» (1955). Первая вызвала определенный интерес у отечественных исследователей и комментаторов. Так А. Ослон отмечал, что У. Липпману удалось вскрыть механизм действия социальных стереотипов, «“программирующих” межличностные и межгрупповые отношения, в том числе предрассудки и предубеждения, встающие между социальными группами, нациями, странами, расами и т. д.»².

© Вязинкин А. Ю., 2021

Алексей Юрьевич Вязинкин — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, vyazinkin@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University).

А Р. Фрумкина отмечала, что Липпману свойствен «поиск возможностей гармоничного сочетания интересов свободной личности и интересов государства»³.

Теория стереотипа и социально-психологическая проблематика медиареальности, в связи с которыми исследователи изредка обращают внимание на идеиное наследие Липпмана, не составляют и сотой части вклада мыслителя в политическую философию.

Между тем влияние Липпмана было огромно. В 1913 г., выпускник Гарвардского университета, он опубликовал свою первую значительную работу «A Preface to Politics». В 1916 г. стал членом «мозгового центра» президента США В. Вильсона. Участвовал в разработке положений Версальского договора, был делегатом Парижской мирной конференции, а также соавтором конвенции о создании Лиги Наций. В 1920—1930-е гг. Липпман опубликовал свои главные работы. Его мнения и позиции по вопросам внутренней и внешней политики, экономики, geopolитики всегда находили отклик среди различных политических сил США. Писательский талант и вклад Липпмана в политическую мысль дважды были отмечены одной из наиболее престижных наград в США — Пулитцеровской премией.

Социалист в юности, позднее прогрессист, теоретик либеральной демократии, провозвестник неолиберализма, мыслитель с консервативным политическим темпераментом — все это Уолтер Липпман. И все это кажущееся противоречивым многообразие политических установок укладывается в систему так называемого «демократического реализма».

Постановка вопроса. Автор статьи ставит перед собой цель реконструировать и проанализировать «демократический реализм» как общественно-политическую и политико-философскую концепцию У. Липпмана.

В связи с этим в статье ставятся следующие задачи:

- 1) определить основные принципы «демократического реализма» Липпмана;
- 2) выявить характерные черты «демократического реализма» Липпмана на фоне его полемики с Д. Дьюи.
- 3) определить элитистскую специфику «демократического реализма» Липпмана.

Методология и методы исследования. Основными методами данного исследования являются следующие: анализ (для исследования работ Липпмана); компартивный (для сопоставления позиций мыслителя и других теоретиков общественно-политической мысли); синтез (для подведения итогов исследования).

Основная часть

«Демократический реализм», или истинные границы народовластия

Уолтер Липпман признается одним из самых влиятельных представителей «демократического реализма» в США в 1920—1930-х гг.⁴

Одна из ключевых идей Липпмана, которую он транслировал на протяжении всей жизни, заключалась в необходимости пересмотра некоторых базовых основ демократической политической системы. В эпоху отцов-основателей демократия в классическом ее понимании, хотя и с большими оговорками, могла эффективно функционировать (еще Т. Джейферсон отмечал, что к политическому управлению призваны немногие: «для содействия общественному счастью целесообразно, чтобы те, кого природа наделяет гениальностью и добродетелью, получали либеральное образование, способное охранять священный залог прав и свобод своих сограждан»⁵). Но в XX столетии мир достиг такого уровня необозримой сложности социальной организации, что «всезнающего гражданина», который в той или иной степени был представлен прежде в малых сообществах, в национальных государствах уже не существовало. Тезис Липпмана можно сформулировать следующим образом: граждане в массе своей не располагают достаточными сведениями и не имеют необходимых знаний, чтобы участвовать в принятии политических решений.

Современный человек, утверждал Липпман, не имеет фактических знаний, его картина мира формируется на основе недостоверных сведений, эмоциональных аффектов, иррациональных предпочтений, разнообразных суеверий. Помимо прочего, среднестатистический гражданин находится в плена стереотипов,

не позволяющих ему адекватно, гибко и рационально решать возникающие масштабные политические проблемы. «Цензура и секретность, — писал Липпман, — физические и социальные барьеры, деформация внимания, бедность языка, отвлекающие моменты, бессознательные чувства, усталость, насилие, однообразие»⁶, — вот факторы, влияющие на формирование стереотипного мировоззрения людей, удаляющие их от действительных фактов.

Преодолеть влияние этих факторов невозможно. Из чего следует, что для эффективного управления сложноорганизованным обществом необходимо, чтобы политическая сфера находилась в исключительной компетенции небольшой группы лиц, владеющих фактами и, следовательно, способных принимать ответственные и результативные политические решения.

Более того, доверяться волеизъявлению народа, полагал Липпман, — контрпродуктивно. Во-первых, по причине политического невежества масс, во-вторых, статистически выявленная позиция граждан-избирателей не отражает социологическую действительность подлинного общественного запроса: «Мнения, обнаруживаемые избирателями в результате голосования, не следует воспринимать как безоговорочные выражения жизненных интересов сообщества»⁷. «Общие интересы полностью ускользают от общественного мнения»⁸, — аксиоматически утверждал Липпман.

Немаловажной задачей для Липпмана было указать на те фундаментальные основы, которые отличают идею ограниченной демократии в духе «демократического реализма» и коллектivistские тоталитарные режимы в СССР, Германии и Италии. Мыслитель утверждал, что коллектivism в этатистском изводе уничтожает свободу личности и разрушает естественный порядок вещей. Липпман предлагал в качестве альтернативы классической демократии и тоталитарным режимам «свободный колlettivizm», который принимает экономический порядок как целое и гарантирует свободу частных экономических операций.

Главным врагом американской политической культуры, а также угрозой для демократии Липпман считал экономическое планирование и авторитарный колlettivizm. Экономическое содержание этого тезиса впоследствии развили Л. фон Мизес и Ф. А. фон Хайек.

Взгляды Липпмана, основывающиеся исключительно на политическом рационализме, были подвергнуты критике. Установленные теоретиком границы народовластия противоречили духу демократии, блокировали развитие гражданского общества, лишили широкие народные массы ряда существенных политических прав и никак не защищали его от произвольных решений элиты экспертов.

Американский социальный философ и историк Кристофер Лэш отмечал, что для Липпмана «демократия не значила чего-либо большего, чем общедоступность житейских благ»⁹. Демократия, по Липпману, подразумевает, что граждане делегируют свои политические права элите экспертов в обмен на обеспечение их разнообразными благами, товарами и удобствами. Если не использовать политологических эвфемизмов, можно сказать, что, по существу, для классической демократии, которая строится на признании за гражданами широких политических прав и свобод, эта модель «демократического реализма» представляет собой форму добровольной политической покорности.

Разумеется, Липпман не мог принять подобных обвинений. В условиях национального государства не существует другого адекватного способа организации, позволяющего одновременно и эффективно управлять и сохранять конституционные права и свободы граждан. Это консерваторы-антиэтатисты и палеолибертарианцы могли предложить альтернативу через обращение к джефферсоновской традиции децентрализации. Для Липпмана подобное было недопустимо.

По Липпману, «реальная оперативная власть в демократическом государстве должна находиться в руках немногих»¹⁰, гражданам доверялась только оценка власти и возможность ее смены легитимным способом. То есть снова политическое участие граждан определяется их возможностью делегировать свои права новой элите.

Итак, народные массы не могут принимать участие в решении важнейших политических вопросов, но они могут определять, удовлетворены ли они работой избранных властей и специалистов.

Липпман vs Дьюи: спор о демократии

С критикой «демократического реализма» выступил крупный американский философ Джон Дьюи. Ошибка Липпмана, по его мнению, заключалась в неверном восприятии человеческой природы. Дьюи, в отличие от Липпмана, считал, что людей можно воспитать политически свободными.

«Демократический реализм» Липпмана утверждает, что совещательная демократия неосуществима. Однако демократия, по Дьюи, — это не только совокупность механизмов политического управления (самоуправления), но и сама культура существования сообщества.

Дьюи критиковал позицию Липпмана, утверждая, что она противоречит этике демократии. Администраторы и эксперты — это не представители народа, а новая аристократия. Дьюи отказывал любой группе лиц в моральном праве на политическое управление массами: «Ни один человек или группа людей не бывают настолько мудры или нравственны, чтобы править другими людьми без их согласия; а утвердительное звучание этой идеи таково, что все люди, испытывающие на себе действие социальных институтов, должны участвовать в создании или управлении ими»¹¹.

«Демократическому реализму» Липпмана Дьюи противопоставил антропологический оптимизм. Философ утверждал, что демократия — это не статический институт, а явление в развитии: «Мы привыкли считать демократию уже возведенным институтом <...> У нас стихийно сложилось представление о демократии как о чем-то стационарном вроде наследства, которое можно завещать <...> По самой своей природе, по сути она такова, что не может просто переходить от человека к человеку или от поколения к поколению, а должна формироваться под влиянием потребностей, проблем и условий общественной жизни»¹². Но если не допускать до политического управления широкие гражданские массы, тогда люди никогда не научатся самоуправлению, никогда не станут политически свободными.

Если логически продолжить критику Дьюи «демократического реализма», то можно утверждать, что Липпман конструирует, изобретает демократию в соответствии со своими достаточными консервативными и элитистскими убеждениями.

Липпман считал, что массы не могут овладеть необходимыми для самоуправления знаниями. Однако знание, по Дьюи, — это не источник власти, а инструмент свободной трансляции общественных ценностей. То есть отсутствие знаний не должно вести к отчуждению политических прав. Обратное противоречит самому эгалитарному духу демократии. Дьюи, в отличие от Липпмана, просветитель, его положения основаны на вере в способность человека к интеллектуальному и нравственному совершенствованию.

Апеллируя к моральному авторитету философа Р. У. Эмерсона, Дьюи утверждал, что нет никакого рационального основания для социального неравенства в вопросах политического самоуправления сообщества: «все мы — всего лишь дети, резвящиеся на руках у всеобъемлющего разума. Но до тех пор, пока посредником этого разума не станет местное сообщество, он обречен пребывать в дремлющем состоянии, в оторванности от всего, что его окружает»¹³.

Разногласия Дьюи и Липпмана в определении демократического государства лежат в сфере социальной аксиологии. По мнению Дьюи, система социальных и политических ценностей в демократическом государстве должна выстраиваться с акцентом на интересах народа, какими бы они ни были, а не на их соотношении с независимым экспертным мнением или даже научным знанием. «О том, что жмет ботинок, — писал Дьюи, — и в каком именно месте он жмет, лучше всех известно тому, кто носит этот ботинок — даже если классный сапожник лучше его знает, как справиться с этой проблемой. К числу неоспоримых достижений демократического правления относится создание института общественности — пусть даже демократическим правителям и не слишком удается надлежащим образом информировать эту последнюю!»¹⁴

Этическое обоснование демократической модели политического режима объясняется у Дьюи необходимостью совместной деятельности уравненных в правах и свободах граждан сообщества: «Одним из условий возникновения сообщества является ассоциированная или совместная деятельность. Но сама по себе ассоциация есть нечто физическое и органическое, а жизнь сообщества является нравственной, то есть основывается

на эмоциях, разуме и сознании»¹⁵. Демократический принцип политического участия граждан Дьюи понимает гораздо шире, чем Липпман.

Краеугольным камнем противоречий между концепциями демократии Липпмана и Дьюи является различное отношение мыслителей к природе человека. Это связано с тем, что установки социальной философии Дьюи, которые можно охарактеризовать как «нравственная вера» и «социальная надежда», воспринимались Липпманом как проявления наивного гуманизма.

Мыслителей объединяло антиавторитарное видение демократии, но разъединяло отношение к тому, что можно назвать «политическим прогрессом». Дьюи считал, что демократия должна непрерывно развиваться, как развивается реальный мир. И это, полагал философ, наилучшая модель развития для самой личности, подчеркивающая динамизм человеческой жизни. Липпман, напротив, скептически относился к практическому развитию логики классической демократии: политически свободные аффективированные массы, допущенные до принятия решений по масштабным политическим проблемам, могут сами отвергнуть свои незыблемые свободы и в коллективистском угаре породить тоталитарные формы политических режимов. Надо отметить, что хотя нравственная позиция Дьюи кажется внешне почти безупречной, история, скорее, подтвердила правоту Липпмана.

«Демократический реализм» и элитизм

Анализировать элитистский аспект политических взглядов Липпмана без обращения к идейной генеалогии «демократического реализма» невозможно. На этапе становления своих политических убеждений он находился под влиянием идей корифеев американской мысли — Ирвинга Бэббита и Джорджа Сантаяны.

Под руководством Сантаяны Липпман изучал античную философию в Гарвардском университете, где прымкал к кругу студентов, очарованных личностью философа, «наследующего прошлое, принадлежащего старой, богатой и сложной цивилизации»¹⁶.

Превосходство элиты, особый статус ограниченного числа лиц, был обоснован у классика американской философии и эстетически, и исторически. Мыслитель представлял в качестве

образца античный мир, в котором избранные играли определяющую роль в политике и культуре. Интеллектуализм, свойственный западной мысли начала XX в., по существу, неизбежно вел к формированию элитистских концепций управления обществом и государством. Социальный и политический идеал Сантаяны — господство духовной, интеллектуальной элиты.

В своих крайних формах элитизм порывал с демократией и служил основанием для авторитарных политических теорий. В то же время гуманистический вариант элитизма старался уравновесить демократические принципы политического участия направляющей силой интеллектуальной элиты, обладающей равновесием ума и сердца.

Когда Липпман знакомился с антимажоритарными и антиромантическими идеями Бэббита, он симпатизировал социализму и общественно-политическим идеям Ж.-Ж. Руссо. Однако работы теоретика «нового гуманизма» изменили оптимистичные представления Липпмана о человеке.

«Новый гуманизм» Бэббита ориентировался на классические (аристотелевские) идеалы личности. Формирование «выдающейся личности» («superior individual») невозможно без ориентации на традиционные и вместе с тем на гуманистические ценности — добродетели личной дисциплины и самоограничения. К ним добавляется идея о необходимости интеллектуального отбора. «Правильный отбор, — писал Бэббит, — позволяет человеку доказать свое превосходство и показать, что он — нечто большее, чем сила природы»¹⁷. Инструментом такого отбора и формирования совершенной личности является классическое гуманитарное образование. Оно позволяет формировать «аристократию характера и интеллекта», на которую и следует возложить моральную миссию управления.

Рональд Стил отмечает, что элитистские идеи Бэббита оказали существенное влияние на развитие политических идей Липпмана¹⁸, хотя в целом молодой Липпман отнесся к идеям Бэббита критически, не приняв вполне политического и культурного консерватизма «нового гуманизма».

Любопытны связи политических взглядов Липпмана с классиками теории элит. Элитизм Липпмана находит точки соприкосновения с учением итальянского социолога Р. Михельса

об «олигархии». Американский теоретик штудировал труды Михельса и согласился с его «железным законом олигархии». Итальянский социолог писал о неизбежности установления в обществе власти меньшинства, как неотъемлемого свойства любой организации: «большинство людей трагической необходимостью предопределено к подчинению господству небольшого меньшинства и должно довольствоваться тем, чтобы составлять пьедестал олигархии»¹⁹. Как и Липпман, Михельс в юности симпатизировал социализму, а затем порвал с ним. Однако Липпман эволюционировал по направлению к либеральной демократии, а Михельс перешел на праворадикальные позиции, выступив с поддержкой итальянского фашизма. Липпман, в отличие от Михельса, считал, что разумный баланс между массами и элитами в политике можно установить в рамках демократических институтов.

По своим политическим взглядам Липпман был ближе, скорее, другому элитологу — итальянскому правоведу Г. Моска. Москва, как и Липпман, считал, что среднестатистический «слабый» и иррациональный человек из народа не способен разумно управлять страной, поэтому народные массы не могут быть допущены до политического управления государством. Элиты складываются на основе республиканского принципа разумного представительства. Однако авторитарному принципу управления Москва предпочитал либеральный, считая его более эффективным, признавая права и свободы личности непреложными, одобряя принцип *laissez-faire*. Неизбежность согласия большинства на политическое подчинение правящему меньшинству, как фактор легитимизации любой организации, объясняется следующим образом: «представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в обществе, в котором они живут»²⁰.

Элитизм в политической теории Липпмана, в отличие от праворадикальных его вариантов, не заигрывает с «улицей» ищен популистского компонента. Политическое управление, по Липпману, доверяется интеллектуально ответственной и компетентной эlite. Эта элита не вполне искусственная, поскольку элитарные, если можно так выражаться, демократические институты управления естественны, то есть определяются естественным распределением интеллектуальных способностей.

Надо признать, что демократический принцип свободы личности (и политического равенства) несколько теряется за элитистской риторикой Липпмана. Иррациональному субъективизму масс Липпман противопоставляет вероятный объективный рационализм элиты. Его задача — устраниТЬ политическое влияние масс, а не просветить их. Политическая философия Липпмана базировалась на антропологическом пессимизме, который утверждает, что политика и культура развиваются в ходе истории, но человеческая природа остается неизменной.

Особый демократический элитизм объяснялся Липпманом необходимостью рационального баланса в политическом устройстве общества. Это то, чему Кроуфорд Гудвин дал следующее определение: «информированное и относительно сложно организованное гражданское общество»²¹. Ларри Адамс охарактеризовал «демократический реализм» Липпмана как конструктивный представительный элитизм²².

Разумеется, концепция «демократического реализма» привлекла множество критиков. Они характеризовали идеи Липпмана как парадоксальные и противоречащие основополагающим принципам демократии. Джон Патрик Диггинс писал, что Липпман бросил вызов «либеральной демократии»²³. А Ноам Хомский утверждал, что все гражданское население в теории Липпмана играет роль политического «зрителя», тогда как «основные решения в отношении социальной и экономической жизни принимаются в рамках учреждений, обладающих авторитарным контролем сверху вниз»²⁴.

Заключение

В современном мире кризис демократических моделей политической организации только нарастает. Сложная организация общества, всеобщая вовлеченность в решение политических проблем, неуклонная цифровизация — все это в разной мере, но, так или иначе, дестабилизирует системы общественного и государственного консенсуса, на которых базируются демократические режимы. И в этом смысле обращение к альтернативным формам демократических моделей управления представляется нам весьма своевременным.

Нельзя отрицать и актуальности проблемы баланса в тенденциях охраны традиции и незыблемости прав и свобод граждан. Поэтому особого внимания заслуживает консервативный аспект «демократического реализма» Липпмана. Мыслитель вполне вписывается в политическую традицию США, которая в большинстве своих течений опирается на идеи социально-экономической свободы гражданина. Липпман защищал либеральную демократию как консерватор, стараясь предотвратить установление в США коллективистских политических основ, которые, как ему представлялось, были бы логическим продолжением «Нового курса» Ф. Рузвельта. Консерватизм в данном случае выступал против перемен в традиционных для США условиях рыночных отношений, определявших социальную и политическую культуру свободы.

Ключевая идея Липпмана заключается в необходимости рационализации демократического процесса. Если интеллектуальная элита представляет собой созидательную политическую силу, то гражданские массы, будучи вовлечеными в процесс принятия политических решений, могут стать силой разрушительной. Иерархия, порядок и рациональное управление, с точки зрения теоретика, предпочтительнее политического равенства. Таким образом, Липпман, с рационалистических позиций переосмысливший «новый гуманизм», идеи классиков элитологии и базовые принципы демократии, выступил против идеализма и радикализма в политике.

Примечания

¹ Печатнов В. О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994.

² Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / пер. с англ. Т. В. Барчуновой // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 126.

³ Фрумкина Р. Уолтер Липпман: свободный коллективизм! // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 124.

⁴ См.: Stanley W. B. Social Studies and the Social Order: Transmission or Transformation? // Social Education. 2005. Vol. 69. P. 284.

- ⁵ Boyd J. P., ed. The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 2. 1777—18 June 1779. Princeton, 1950. P. 527.
- ⁶ Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004. С. 91—92.
- ⁷ Он же. Публичная философия / пер. с англ. И. И. Мюрберга. М., 2004. С. 40.
- ⁸ Там же. С. 293.
- ⁹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М., 2002. С. 68.
- ¹⁰ Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М., 2014. С. 439.
- ¹¹ Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. М., 2003. С. 173—174.
- ¹² Там же. С. 161.
- ¹³ Дьюи Д. Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберга, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. М., 2002. С. 159.
- ¹⁴ Там же. С. 150—151.
- ¹⁵ Там же. С. 110—111.
- ¹⁶ Dessa G. Lippman and Santayana // Limbo. 2014. № 34. P. 35.
- ¹⁷ Babbitt I. Literature and the American College. Washington, DC, 1986. P. 100—101.
- ¹⁸ Steel R. Walter Lippmann and the American Century. New Brunswick, 1999. P. 19.
- ¹⁹ Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N. Y., 1962. P. 353.
- ²⁰ Моска Г. Правящий класс / пер. с англ. Т. Н. Самсоновой // Социс. 1994. № 10. С. 189.
- ²¹ Goodwin C. D. Walter Lippmann: Public Economist. Cambridge, 2014. P. 354.
- ²² Adams L. L. Walter Lippmann. Boston, 1977. P. 108.
- ²³ Diggins J. P. From Pragmatism to Natural Law: Walter Lippmann's Quest for Legitimacy // Political Theory. 1991. Vol. 19. № 4. P. 526.
- ²⁴ Chomsky N. Hegemony or Survival. America's quest for global dominance. N. Y., 2004. P. 6.